

ЕСТЕСТВЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАФОР ПО СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ

(на материалах французского языка)

Проблема классификации метафор, анализ которой чаще всего можно встретить в работах по стилистике, имеет большое значение для самых различных отраслей языкознания. Большинство лингвистов так или иначе признаёт важную роль метафоры в развитии языка; намечаются различные подходы к изучению данного языкового феномена.¹ Но в каком бы аспекте ни рассматривал метафору тот или иной автор, какими бы методами он ни пользовался,— проблема классификации метафор, как правило, не остаётся без внимания. Этот интерес к классификации вполне закономерен, ибо научная классификация даёт возможность обнаружить объективный закон, охватывающий все классифицируемые явления, и если роль метафоры в развитии языка действительно велика, то закон, обнаруженный через классификацию метафор, должен, по-видимому, быть одним из основных законов развития языка.

Вместе с тем, естественная², содержательная классификация метафор не могла возникнуть сразу, на пустом месте. Ей неизбежно должны были предшествовать не только эмпирические исследования, накапливающие фактический материал, но и вспомогательные, искусственные, односторонние, формально-логические классификации. Ряд подобных классификаций можно обнаружить в трудах советских и зарубежных лингвистов последних пяти-шести десятилетий. Весьма характерно при этом, что наиболее разработанные классификации предложены советскими исследователями. Что же касается лингвистов Запада, то они в этом отношении не пошли дальше того, что было сделано полвека тому назад «отцом семантики» Минделем

¹ См.: М. П. Кипяткова. Роль метафоры в обозначении и развитии словарного состава современного французского языка. Канд. дисс. М., 1956. Е. Розенблум. К вопросу о метафоре и ее роли в языке на основании некоторых произведений Дж. Голсуорси. Канд. дисс. М., 1951.

² Термины «естественная» и «искусственная» употребляются в их общепринятом формально-логическом смысле.

Бреалем, Шарлем Балли и некоторыми другими учёными. В «Очерках по семантике», написанных семьдесят лет назад, М. Бреаль ещё не даёт никакой классификации, но выделяет некоторые характерные группы метафор. С одной стороны, он обращает внимание на метафоры, базирующиеся на связи между органами чувств человека (перенос на ощущения, связанные с одним рецептором, определений, относящихся к ощущениям, связанным с другим рецептором). С другой — выделяет большую группу метафор, образованных переносом определений с человека на неодушевлённые предметы.¹ Более шестидесяти лет спустя, А. Мальблан, выделяя уже не два, а много разных типов метафор, по-прежнему не указывает на какой-либо общий принцип классификации.²

В работах советских исследователей В. Г. Ветвицкого и И. С. Самохотской и французского лингвиста Ж. Марузо построены классификации метафор, предназначенные для анализа некоторых конкретных проблем и опирающиеся поэтому на частные, односторонне выделенные классификационные принципы. Так, В. Г. Ветвицкий делит все метафоры на две большие группы в соответствии с двумя основными ступенями познания — чувственной и логической. Он говорит о метафорах риторических, являющихся продуктом логических сопоставлений предметов и явлений и создающих лишь схематический образ, и поэтических, в основе которых лежит сравнение предметов и явлений по производимому впечатлению, т. е. по непосредственному чувственному восприятию.³

Иначе подходит к классификации метафор И. С. Самохотская. Изучая проблему пополнения словарного состава французского языка за период с 1930 по 1950 год и учитывая то, что это двадцатилетие истории французского народа распадается на несколько периодов, резко отличающихся друг от друга, она, в сущности, строит классификацию метафор по хронологическому принципу, объединяя в группы метафоры, возникающие на каком-либо определённом этапе под влиянием тех или иных политических событий.⁴

Ж. Марузо кладёт в основу классификации функциональные различия между метафорами, разделяя все метафоры на эстетические и экспрессивные.⁵

Все подобные классификации вполне оправданы и очень полезны при решении конкретных проблем. Однако они являются сугубо эмпирическими и искусственными.

Некоторый отход от эмпиризма наблюдается у Ш. Балли, А. Доза, А. Дармстетера, Р. Жоржена, попытавшихся положить

¹ M. Bréal. *Essai de sémantique*. Hachette, Paris, 1924. (Первое издание этого произведения вышло в 1897 году).

² A. Malblanc. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Didier, Paris, 1961.

³ В. Г. Ветвицкий. *Стилистические наблюдения над словоупотреблением в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»*. Канд. дисс. Л., 1956.

⁴ И. С. Самохотская. *Пополнение словарного состава современного французского языка за период 1930—1950 гг.* Канд. дисс. М., 1953.

⁵ J. Marouzeau. *Précis de stylistique française*. Masson, Paris, 1959.

в основу классификации метафор некоторые формальнологические или психологические принципы. Ш. Балли, в частности, классифицирует метафоры по семантическому (и в то же время психологическому) принципу, выделяя три типа метафор: живые, ослабленные, стёршиеся.¹ Этот же самый признак (степень выразительности) использует в качестве классификационного и А. Доза. Он тоже говорит о живых, ослабленных и стёршихся метафорах, но, в отличие от Балли и других названных выше авторов, классификации которых можно назвать одномерными, или линейными, Доза строит двумерную классификацию, предлагая, наряду со степенью выразительности другой классификационный признак: природу образа, возникающего в результате человеческих ощущений (вкусовых, зрительных, звуковых, обонятельных, осязательных).² Опираясь на эту классификацию, метафоры можно разбить на пятнадцать групп, произвести некоторые сравнения, найти возможные связи, отношения и т. п. Однако больших результатов на этом пути до сих пор не получено, что, по-видимому, является неизбежным следствием искусственности предложенной классификации.

В работах А. Дармстетера мы обнаруживаем уже совершенно иной подход к классификации. Он делит метафоры на группы в соответствии с характером сближаемых понятий: сближение конкретного с конкретным, конкретного с абстрактным, выражение абстрактного через конкретное и т. п.³ Наконец, Р. Жоржен в 1956 году осуществил своеобразный синтез классификационных принципов А. Доза и А. Дармстетера, построив двумерную классификацию, в которой, с одной стороны, сохраняет разделение метафор в соответствии с природой чувственного образа (зрительного, слухового и др.), а с другой, — подобно Дармстетеру, различает сближение конкретного термина с конкретным (описательные образы), абстрактного с конкретным, конкретного с абстрактным. Помимо этого, Р. Жоржен указывает на возможность классификации другого характера, выделяя метафоры, возникающие в результате сближения вещественного с невещественным, например:

...les flocons de neige b r o d e n t l e t h è m e d e l e u r s j e u x...⁴

Таким образом, в лингвистической литературе обнаруживается тенденция к увеличению числа не только классификационных признаков, но и самих принципов классификации метафор (психологический, семантический, формально-логический и др.). Особенно отчётливо эта тенденция проявилась в работах некоторых советских исследователей 50-х годов.

¹ Ш. Балли. Французская стилистика. Изд-во иностранной литературы, М., 1961.

² А. Dauzat. La vie du langage. Paris, 1910. Histoire de la langue française. Payot, Paris, 1930.

³ А. Darmesteter. La vie des mots. Delagrave, Paris, 1925. Cours de grammaire historique de la langue française. Delagrave, Paris, 1934.

⁴ R. Georjgin. La prose d'aujourd'hui. Editions A. Bonne, Paris, 1956, p. 261.

Е. Розенблум в кандидатской диссертации, специально посвящённой проблеме метафоры и её роли в языке, предлагает несколько различных способов классификации метафор: по различным сторонам общественной жизни, которые отражаются рассматриваемыми понятиями; по грамматическому строю; по природным царствам и стихиям, отражаемым данными понятиями; по типам ощущений и более сложных и высоких форм психической деятельности человека (представлений, суждений и т. п.).¹ Интересной в диссертации Е. Розенблума является попытка связать метафору и человеческую деятельность. Однако речь идёт, к сожалению, не о деятельности реального общественного человека, а о деятельности изолированного мыслящего индивидуума. Поэтому связь метафоры с человеческой деятельностью выглядит у автора только как их внешнее сопоставление, а сами способы классификации метафор вообще оказываются независимыми друг от друга.

Несколько различных способов классификации метафор предлагает также Ю. Л. Лясота: по грамматическим категориям; по областям действительности, к которым относятся производные значения слов; по областям действительности, к которым относятся исходные значения слов; по характеру переноса (образные, безобразные); по экспрессивности.² Из этих пяти линейных классификаций, которые у автора являются достаточно разветвлёнными, можно было бы построить несколько двумерных или даже трёхмерных классификаций. Так, например, если положить в основу классификации три признака из пяти, предлагаемых Ю. Л. Лясота, а именно, область, к которой относится производное значение (у Ю. Л. Лясота — два класса), область, к которой относится исходное значение (четыре класса), и способ переноса (пять классов), — можно было бы получить 40 групп метафор. Сравнение этих групп и анализ, возможно, могли бы привести к интересным выводам. Но автор не пошёл дальше классификации метафор каждым способом, взятым отдельно и независимо от других. (Иногда, классифицируя метафоры по одному признаку, автор вдруг замечает необходимость использования и какого-нибудь другого признака и тотчас же обращается у нему, но это происходит лишь случайно, эпизодически).

Большая разветвлённая классификация метафор по семантико-грамматическому принципу даётся в статье Е. Т. Черкасовой «О метафорическом употреблении слов»³. Однако единого принципа классификации автор не придерживается. В каждой большой грамматико-категориальной группе выделяется свой особый принцип классификации: один для существительных, другой для глаголов,

¹ Е. Розенблум. К вопросу о метафоре и ее роли в языке на основании некоторых произведений Дж. Голсуорси. Канд. дисс. М., 1951.

² Ю. Л. Лясота. Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка. Канд. дисс., Л., 1954.

³ Е. Т. Черкасова. О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова). Исследования по языку советских писателей. АН СССР, М., 1959.

третий для наречий и т. д. Кроме того, наряду с большими грамматико-категориальными группами, Е. Т. Черкасова вводит небольшие семантические группы, охватывающие лишь незначительную часть метафор (неологизмы, архаизмы, диалектизмы, специальные термины). Такое размещение в один ряд грамматических и семантических групп нарушает логическую стройность классификации.

Достоинством трудов Е. Розенблюма, Ю. Л. Лясота, Е. Т. Черкасовой является то, что в них показана возможность разностороннего подхода к созданию классификации метафор. Но это же достоинство таит в себе опасность превращения в недостаток. Дело в том, что метафора — это настолько сложное и многогранное языковое явление, что можно бесконечно искать всё новые связи его с другими явлениями, всё новые и новые стороны, отношения. Каждая такая связь, сторона, каждое отношение может быть положено в основу классификации. Сколько же из этих сторон учитывать? Если просто поступать по принципу «чем больше, тем лучше», то стремление к многосторонности приведёт лишь к эклектической классификации, где будут механически собраны совершенно различные по своей сущности и по своей важности принципы. С этой точки зрения, классификации, Е. Розенблюма, Ю. Л. Лясота и Е. Т. Черкасовой мало выигрывают по сравнению с односторонними, но сугубо вспомогательными и потому легко объяснимыми классификациями Ж. Марузо, Ш. Балли, А. Доза, А. Дармстетера или Р. Жоржена.

Современное состояние классификации метафор соответствует эмпирическому этапу развития науки, когда в ней ещё явно преобладает предметно-атрибутивное мышление, когда в целом для неё характерно движение от конкретного к абстрактному. Эта классификация очень напоминает додарвиновскую классификацию живых организмов, доменделеевскую классификацию химических элементов, домарксовскую классификацию общественных явлений. Эта классификация созерцательна, ответственна; многие из предложенных вариантов классификации основаны на субъективных, произвольно выбранных принципах. Генетический принцип классификации или совершенно игнорируется или недооценивается и берётся в отрыве от структурного принципа. Такая классификация играет чаще всего чисто вспомогательную, служебную роль при решении частных лингвистических проблем.

Как и во всех науках, естественным шагом вперёд в рассматриваемой области явилось бы построение естественной классификации метафор, основанной на единстве структурного и генетического принципов. Создание такой классификации тесно связано с переходом от предметно-атрибутивного к количественно-качественному мышлению. Оно означало бы начало нового этапа в развитии этой области языкознания — этапа, характеризующегося восхождением от абстрактного к конкретному. Любая попытка создания такой принципиально новой, естественной классификации должна опираться на принцип единства языка и мышления и исходить из

наиболее общих законов их развития. Конечно, до создания естественной классификации ещё далеко, и переход к новому уровню исследования потребует много труда, но продвигаться к этой цели, хотя бы и медленно, совершенно необходимо.

В настоящей статье делается попытка построения одного из возможных вариантов естественной классификации метафор. При этом сразу же возникает вопрос: с чего начинать? Где, образно говоря, тот атом, та клеточка, то элементарное отношение, отправляясь от которого можно было бы начать восхождение от абстрактного к конкретному? Решая этот вопрос, мы ни на минуту не должны забывать о том, что исследуем общественное явление и что поэтому «... субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»¹. Более конкретно К. Маркс и Ф. Энгельс говорят об этом в «Немецкой идеологии»: «Предпосылки, с которых мы начинаем,— не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, так те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путём»². И далее: «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками... Там, где прекращается спекулятивное мышление,— перед лицом действительной жизни,— там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей».³

Среди работ лингвистов, посвящённых исследованию метафоры, можно назвать несколько трудов, так или иначе связывающих это языковое явление с практической деятельностью человека. В некоторых из них эта связь только нащупывается; обнаруживаются отдельные наиболее яркие проявления этой связи. Так, например, В. П. Мурат в своей кандидатской диссертации выделяет просторечные слова-метафоры, обозначающие пищу, деньги, части тела, драку, воровство, различные степени опьянения и т. п. Наряду с этим, он рассматривает метафоры различных жаргонов деклассированных элементов, метафорические слова и выражения солдатского сленга, в основе которых лежат конкретные, единичные реальные происшествия, метафорические термины технического словаря, обозначающие детали, процессы и т. п. В жаргоне, обычно быстро меняющемся как по содержанию, так и по форме, сущность

¹ К. Маркс. Введение. (из экономических рукописей 1857—1858 годов). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 12, стр. 728, издание 2-е.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, стр. 18, издание 2-е.

³ Там же. Стр. 25—26.

процесса метафоризации предельно обнажена. Отождествление различных явлений с человеческой деятельностью или отдельными её сторонами здесь «лежит на поверхности», происходит на каждом шагу, не вызывает сомнений. В. П. Мурат фактически в эмпирической форме показывает это, но не находит общего закона и не может поэтому назвать вещи своими именами.¹

М. П. Кипяткова различает следующие виды метафор:

1. Основанные на сближении предметов по одному, даже второстепенному признаку: ... les rayons qui r a s e n t la terre.

2. Основанные на сближении предметов по главному признаку: ...l'unique s o u r c e de la presse.

3. Основанные на внешней аналогии: ...les fuseaux de lumière des projecteurs.

4. Основанные на сходстве одного из внутренних признаков предметов: ...cette histoire f u l m i n a n t.

5. Основанные на сходстве выполняемых предметами функций: ... au fond du tiroir reposent les c h e m i s e s entassées. (chemise — конверт, обложка).

6. Основанные на сходстве и какого-нибудь признака и выполняемой функции: règne — механизм для расчесывания волокна...²

Если отвлечься от некоторых логических неточностей (перечисленные выше классы метафор не исключают друг друга), можно заметить, что М. П. Кипяткова подошла к естественной классификации метафор, основанной на различии способов отождествления явлений в человеческой практике и в познании.

А. И. Ефимов выделяет несколько «лексических серий» или «тематических групп» слов, наиболее легко метафоризирующихся:

1. Названия различных животных;

2. Названия материй и одежды;

3. Названия деревьев, цветов, плодов;

4. Названия времён года, различных явлений природы;

5. Названия блюд, напитков.³

И хотя А. И. Ефимов нигде прямо об этом не говорит, — он, по сути дела, подошёл к классификации метафор в соответствии с различием предметов и условий человеческого труда.

Ясно и определёнno вопрос о связи процесса метафоризации с общественной практикой поставлен в книге В. Г. Гака «Беседы о французском слове»: «В основе метафоры лежит сравнение. Сравнить человек может неизвестное с известным, и в этом проявляется отношение его к объективной реальности. ... Испокон всков метафоризации подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека (т. е. втянутые в сферу его общественной практики и игра-

¹ В. П. Мурат. О некоторых лексико-стилистических особенностях словарного состава прогрессивной английской прессы. Канд. дисс., М., 1953.

² М. П. Кипяткова. Роль метафоры в обогащении и развитии словарного состава современного французского языка. Канд. дисс., М., 1956.

³ А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Изд-но МГУ. М., 1961.

ющие в ней определённую роль.— Т. К.). И во французском, и в русском языках эти слова составляют одни и те же лексические группы. Это названия частей человеческого тела, родственных связей, животных и растений, материалов, предметов одежды, предметов обихода, светил и явлений природы, еды и т. п. ... Детали механизмов часто носят названия частей тела (ручка, лапа, палец, колено, головка и т. п.), сами же незатейливые приспособления, чаще всего деревянные, получают наименования по животным (журавль, козлы, кошка, cheval, grue, chien и т. д.)¹. И ещё, несколько ниже: «Во французском языке больше и метафорических глаголов, в основе которых лежит сравнение и которые самой основной показываю т о б р а з д е й с т в и я»² (Разрядка моя.— Т. К.).

Язык, как вообще вся материальная и духовная культура человечества, является продуктом, результатом человеческой деятельности, необходимо включающей в себя как овеществление, опредмечивание, т. е. «...процесс превращения свойств субъекта деятельности, выступавших в виде характеристик его способа действия, его движения и жизни, в свойства объекта деятельности, в характеристики, которые передаются человеком предмету и получают новую форму существования, неотделимую от своего предметности»³, так и распрепредмечивание, освоение, т. е. «...превращение деятельности, или труда, из формы предметности в форму беспредметного движения, в форму человеческой активности...»⁴. Как пишет далее Г. С. Батищев, опираясь на указанные выше мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, «опредмечивание и распрепредмечивание образуют настоящее диалектическое единство взаимопроникающих противоположностей. Это единство противоположностей и есть деятельность в её конкретном определении. ...Эта категория на деле есть не что иное, как элементарнейшая социальная связь, простейшее социальное отношение, в котором деятельность как труд и деятельность как общение ещё совпадают и не разделились в относительно самостоятельные сферы. Это — «клеточка» (и историческая и логическая), т. е. предельно абстрактная конкретность всех социальных процессов, всей общественной формы движения. Эта «клеточка» выступает как то, из чего образована вся материальная и духовная культура человечества, ибо деятельность есть façon d'être культуры, способ её жизни и развития...

По мере того как возникшее в труде о б щ е н и е, первоначально совпадавшее с взаимодействием людей, с этим обменом в деятельности, выделялось в деятельность особого рода, ... всё больше выделялась и особая форма опредмечивания, которая специализировалась на функции общения,— опредмечивание в языке. Раз-

¹ В. Г. Гак. Беседы о французском слове. ИМО, М., 1966, стр. 94—95.

² Там же. Стр. 98.

³ Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. «Высшая школа». М., 1963. Стр. 12.

⁴ Там же. Стр. 14.

вивалась опосредующая труд языковая, знаковая деятельность. В языке «закодировалась» социальность человека»¹. Слова для нас — не простые символы «вещей в себе». «Слова что-то значат для нас лишь постольку, поскольку зовут нас к реальным, чувственно-конкретным действиям с вещами, поскольку в их значении постоянно живёт объективная роль самих предметов и явлений в той же общественной жизни, которую мы ведём с помощью друг друга, а тем самым и с помощью слов».²

Подобно тому, как в практической деятельности свойства субъекта переносятся на объект деятельности, — в языке человеческие характеристики переносятся в процессе метафоризации на другие объекты и процесс этот приобретает весьма характерный для него антропоцентризм, отмечаемый многими исследователями. Поэтому в основу естественной классификации любых языковых явлений, в том числе и метафор, должно быть положено не что иное, как человеческая деятельность, практика. Перенос человеческих свойств на предмет, постоянно совершающийся в человеческой практике, мы рассматриваем, таким образом, объективной основой всех переносов, происходящих в мышлении и языке. Активная роль человека в процессе практики (в процессе переноса его свойств на предметы) проявляется в том, что с возникновением языка такое его явление, как метафора, неизбежно оказывается антропоморфным и антропоцентричным: человек со своей деятельностью оказывается центром, с которым соотносится всё. Создавая естественную классификацию метафор, мы должны прежде всего учитывать эту их связь с практикой, т. е. их происхождение (генетический принцип). Классификация метафор должна в какой-то мере повторять классификацию самых общих форм и сторон человеческой практики. В результате получаем следующие классы метафор:

1. Отождествление с физиологической и психической деятельностью человека, а также с частями его тела, в первую очередь, непосредственно вовлечёнными в трудовой процесс.

2. Отождествление с процессом труда.

3. Отождествление со средством труда.

4. Отождествление с предметом труда.

5. Отождествление с социальной практикой человечества, выходящей за пределы конкретного материального процесса труда.

6. Отождествление с духовной практикой человека.

7. Обратные переносы (т. е. отождествление какого-нибудь явления, непосредственно относящегося к человеческой деятельности, с другим явлением — внешним по отношению к человеческой деятельности; очень часто при этом оказывается, что это внешнее

¹ Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. «Высшая школа». М., 1963, стр. 14—15.

² Ф. Т. Михайлов. Загадка человеческого Я. Госполитиздат. М., 1964, стр. 263.

явление получило своё название когда-то давно в результате обычного метафорического отождествления его с человеческой деятельностью).

8. Вторичные переносы (т. е. отождествление одного явления с другим, которое уже, в свою очередь, отождествлено с человеческой практикой).

9. Объектно-объектные (неантропоцентрические) переносы, т. е. такие метафоры, которые выступают как отождествление двух внешних явлений, причём, ни одно из них не несёт в своём названии (или вообще в высказывании о нём) никаких следов отождествления с человеческой практикой.

Вся эта классификация распределяет метафоры по классам в зависимости от того, с чем происходит отождествление.

С другой стороны, всякая метафора является своего рода мостом между известным и неизвестным (она либо что-то иллюстрирует, либо разъясняет, либо вводит новый предмет в сферу человеческого общения посредством отождествления его с другим и т. д.). Поэтому классификация метафор должна в какой-то мере отражать структуру познавательного процесса. Метафоры различаются в соответствии с тем, на какой ступени процесса познания происходит отождествление и в чём отождествляются явления. Явление может отождествляться с другим как целое, не расчленённое ещё человеческим разумом, схватываться непосредственно по своему внешнему виду, эффекту, результату. Такие метафоры мы будем условно называть феноменальными. В зависимости от того, достаточно ли для отождествления только непосредственного созерцания, простого чувственного восприятия или требуется более или менее продолжительный практический опыт, мы разделяем этот тип метафор на а) созерцательно-феноменальные и б) эмпирически-феноменальные.

Явление может отождествляться с другим на стадии анализа. В этом случае отождествление происходит на основании либо общности выполняемых функций, либо общности или подобия структуры. В соответствии с этим мы выделяем следующие типы метафор:

- с) функциональные метафоры;
- д) структурные метафоры.

Наконец, отождествление может происходить на стадии синтеза, когда в нашем понимании структура явления и его функции сливаются и явление вновь предстаёт перед нами как целое, но не только внешне целое, как это было на эмпирическом уровне, а целое и в своей сущности. В связи с этим мы выделяем ещё два типа метафор:

- е) структурно-функциональные;
- и) субстанциальные.

Таким образом, мы предлагаем двумерную классификацию, которая покоится на двух основаниях: с одной стороны, она исходит из признания того факта, что сознание и язык возникли и развивались на базе человеческой практики (т. е. базируется на генетическом принципе); с другой стороны, она опирается на структуру

процесса познания. Поэтому предлагаемый нами принцип классификации мы называем структурно-генетическим.

Применяя этот принцип, можно разбить все метафоры на 54 группы, каждой из которых соответствует одна определённая клетка следующей таблицы:

	а Соверца- тельно-фе- номеналь- ные	б Эмпириче- ски фено- менальные	с Функцио- нальные	д Структур- ные	е Структур- но-функ- циональ- ные	ф Субстан- циальные
1. Отождествление с физиологической и психической деятельностью человека и частями его тела						
2. Отождествление с процессом труда						
3. Отождествление со средством труда						
4. Отождествление с предметом труда						
5. Отождествление с социальной практикой . .						
6. Отождествление с духовной практикой . . .						
7. Обратные переносы .						
8. Вторичные переносы . . .						
9. Объектно-объектные (неантропоцентрические) переносы . .						

Интересно отметить, что М. П. Кипяткова в своей диссертации вплотную подошла к горизонтальной шкале этой таблицы,¹ а А. И. Ефимов — к вертикальной шкале.² (В дальнейшем мы иногда будем для краткости обозначать строки вертикальной шкалы сверху вниз арабскими цифрами, а столбцы горизонтальной шкалы

¹ М. П. Кипяткова. Роль метафоры в обогащении и развитии словарного состава современного французского языка. Канд. дисс. М., 1956.

² А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Изд-во МГУ. М., 1961.

слева направо — буквами латинского алфавита; например, «группа 8е»).

Эту таблицу мы использовали в дальнейшем при изучении некоторых особенностей французских метафор. Материалом исследования послужили, главным образом, статьи некоторых французских демократических газет и журналов, а также художественные и публицистические произведения французских прогрессивных писателей (Р. Роллана, Л. Арагона, А. Стиля и др.).

Самой большой группой метафор оказалась группа 2с, т. е. метафоры, основанные на отождествлении с процессом труда по функции. Это вполне объяснимо. Процесс труда является той непосредственной действительностью, которая наиболее близка, знакома, понятна каждому человеку. Отождествление с процессом труда возможно на всех исторических ступенях процесса познания (как и на всех уровнях индивидуального познания): и до мысленного расчленения, анализа явления, и в момент расчленения, и в момент синтеза. Кстати, эти метафоры являются и одними из самых древних, например: «... on entendait, à l'autre bout du salon, la voix émue de Mme Brissot, qui cl a i r o n n a i t...»¹, «Ce n'est pas la première rencontre de cette sorte où le débat t o u r n e surtout autour des mērites...»².

Функция, далее, интересуется человека в первую очередь, и именно функция, роль, значение предмета закрепляется прежде всего в значении слова. Наконец, отождествление с процессом труда возможно в рамках очень многих грамматических и лексикологических категорий. Функция процесса может быть выражена почти всеми частями речи в различных формах и сочетаниях. Вот несколько примеров:

Pour s t o p p e r ce désastre national, les autorités placent tous leurs espoirs dans la pluie...³

... la lune qui g r i m p a i t derrière la grande muraille sombre...⁴

Ce que nous voulons, c'est mobiliser la nation pour qu'elle b a r r e la route aux fauteurs de fascisme...⁵

... on savait ou croyait savoir de l'extraordinaire engagement militant du premier communiste français qui a i t l a n c é l'utopie dans l'histoire...⁶

Tout e s t d r a g u é vers les coffres des banquiers...⁷

Quoi la guerre e n s e v e l i t des fillettes avec leurs mamans ... et ce n'est pas sur toutes ces petites filles assassinées, mais sur

¹ R. Rolland, L'Ame Enchantée, Editions «Ecole Supérieure»; M., 1964, v. I, p. 95.

² Huma, 21—10 — 1965.

³ Huma, 10—9 — 1963.

⁴ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 62.

⁵ Huma, 26—3 — 1958.

⁶ Pensée, № 113, 1964, p. 121.

⁷ Huma, 21—9 — 1964.

ces rares enfants d'officiers étrangers que vous pleurnichez, crocodiles¹.

Le jour fait tout palir mais n'efface pas tout.²

Alors, soyez francs, et puisqu'il a crié... «Vive la paix», videz votre coeur et criez, vous (les USA.— T. K.): «Vive la guerre!»³

La seconde guerre mondiale se profilant à l'horizon...⁴

— J'ai laissé filer le temps.⁵

Il n'est plus décisif... que de contribuer à l'essor inexorable de cette lutte.⁶

Il est vrai qu'au Sud-Vietnam, c'est l'impérialisme le plus puissant qui est aux abois.⁷

Многочисленны также метафоры, в основе которых лежит отождествление с физиологической и психической деятельностью человека и частями его тела по структуре (1d) и функции (1c). Обе эти группы непосредственно связаны с только что рассмотренной группой 2c, так как около четверти всех метафор групп 1c и 1d представляют собой отождествления с такими органами человека или их функциями, которые непосредственно вовлечены в трудовой процесс, например:

... le budget gaulliste... réalise son «équilibre» sur le dos des travailleurs.⁸

Il h u m a de son grand nez le trop plein d'énergie...⁹

или с теми физиологическими функциями человеческого организма, которые проявляются, хотя и не в труде, но в активной деятельности, непосредственно осуществляемой, наблюдаемой и осознаваемой людьми повседневно (еда, питье, сон, рождение, смерть, крик и т. п.), например:

Le gaullisme est touché, il crie.¹⁰

Les Français iront jusqu'au bout de leur v o m i s s u r e...¹¹

... la terre qui h o i t la pluie, la nuit...¹²

Таким же многочисленной является класс метафор, объединяющий случаи отождествления с предметом труда. Так как предмет труда играет в человеческой практике в основном

¹ Huma, 12—2 — 1965.

² A. Stil. Nous nous aimerons demain. Editions en langues étrangères. M., 1960, p. 124.

³ Huma, 5—4 — 1960.

⁴ Pensée, № 113, 1964, p. 137.

⁵ P. Courtade. La Place Rouge. R. Julliard. Paris, 1961, p. 101.

⁶ Huma, 30—9 — 1964.

⁷ Huma Dimanche, 14—2 — 1965.

⁸ Huma, 28—9 — 1964.

⁹ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 52.

¹⁰ Huma, 28—1 — 1966.

¹¹ Huma, 1—2 — 1966.

¹² R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 69—70.

пассивную роль и на первый план в нем выступает страдательное начало — способность испытывать воздействие и изменяться под этим воздействием,— то важны для человека (а поэтому и наиболее ярко запечатлеваются в его сознании) не только функция и внешний вид предмета труда, но и структура, форма, строение, организация. Вот несколько примеров метафор этого типа:

On ne voit pas l'avion, trop haut, mais seulement le fil blanc qu'il laisse dans le bleu.¹

... l'arbre de ses fautes leur cache la forêt de ses réusites...²

Il avait une jolie gueule dure, entourée d'un collier de barbe.³

Интересен в связи с этим следующий факт, тоже относящийся к метафорам, связанным с предметом труда. Метафорическое отождествление явлений по субстанции встречается довольно редко (среди собранных нами метафор они не составляют даже трех процентов). Но больше всего субстанциальных метафор основано на отождествлении как раз с предметом труда (4f), ибо именно в предмете труда, всегда противостоящем человеку в его деятельности и часто выступающем в роли его непосредственной потребительской цели, субстанция, сущность, состояние приобретает важную роль (в то время как, например, при отождествлении с орудием труда субстанция, как правило, остаётся в стороне).

Il s'y retrouve et se laisse aller à conter «Les Histoires naturelles», j'ou au de précision, de vérité, de poésie.⁴

... répondant au sourire par ce sourire de miel qu'Annette lui connaissait...⁵

Относительно мало метафор, представляющих собой отождествление со средствами труда. На это обратил внимание В. Г. Гак: «Хотя труд создал человека, и орудия в быту людей существуют столько же, сколько существует само человеческое общество, наименования орудий производства являются всегда вторичными. Среди них мало или почти нет первообразных слов. Даже наименования самых распространенных орудий труда при этимологическом анализе оказываются произведёнными от других слов: *топор* восходит к основе старинного глагола *топать*, что значило «рубить», *молоток* происходит от глагольной основы *мол* («измельчать», «дробить»), *хомут* от старинного глагола *хомсти*, что значило «стискивать» и т. д. Быть может, здесь отражается особое положение, которое

¹ A. Stil. Nous nous..., p. 35.

² Huma, 16—10 — 1965.

³ P. Courtade. Place..., p. 137.

⁴ Huma, 23—5 — 1960.

⁵ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 146.

орудие занимает в трудовом процессе. Оно осмыслялось как продолжение человеческих рук и не отделялось от процесса действия либо от действующего лица. Чаще всего орудия назывались по тому процессу, в котором они участвуют».¹ Эту закономерность можно обнаружить и в собранном нами материале:

«L'Humanité» est... le porte-parole journalier...²
... vous êtes une société du XIX-e siècle dans un décor du XX-e.³
... l'Erôs se meurtrit en silence aux bagreaux du monde...⁴
La défense était une vraie passoire.⁵

«Орудие,— пишет В. Г. Гак,— может получить название по внешнему или функциональному сходству с другим предметом. Сходство функции обнаруживается между названиями орудий и частей тела: ручка, зубец, лапа и т. д. Внешнее сходство сближает орудие с другими предметами или живыми существами: лебёдка, журавль, козлы, кошка и т. д.»⁶ Нам кажется весьма существенным, что речь идёт не о любых предметах вообще, а лишь о тех частях тела или живых существах, которые или непосредственно были включены в трудовой процесс или оказывали на него заметное влияние. По этому принципу, например, названо орудие, упоминающееся в следующем предложении:

C'est peut-etre sur le port vidé de ses dockers, que rôdait un certain sectarisme, mais vraiment si superficiel qu'il n'empêchait pas les bras tendus. Ceux des grues.⁷

Малочисленность класса метафор, основанных на отождествлении с орудиями и другими средствами производства, объясняется, таким образом, относительно просто. Сами названия орудий производства — вторичны (либо производные, либо метафорические). Они появляются в результате вычленения отдельных элементов процесса труда. И лишь немногие из них (либо наиболее удалившиеся и обособившиеся от общего названия процесса труда или человека-деятеля, либо далеко вышедшие за пределы этого процесса, либо наиболее яркие, либо, наконец, немногочисленные первообразные слова) могут служить базой для образования метафор третьего класса.

Очень мало метафор, образованных обратными переносами, что

¹ В. Г. Гак. Беседы о французском слове. ИМО. М., 1966, стр. 62—63.

² Numa, 8—2 — 1965.

³ P. Courtade. Place..., p. 313.

⁴ R. Rolland. L'Amé..., v. I, p. 67.

⁵ A. Still. Nous nous..., p. 20.

⁶ В. Г. Гак. Беседы о французском слове. ИМО. М., 1966, стр. 64.

⁷ Numa, 28—4 — 1966.

объясняется, по-видимому, тем, что практика является для человека самым близким, самым известным и она, как правило, не нуждается в отождествлении с чем-то другим, лежащим вне практики. Очевидно, по той же причине мало встречается и вторичных переносов. Подтверждением этого может служить также немногочисленность метафор, основанных на отождествлении с духовной практикой: духовная практика сама очень сложна и для того, чтобы быть хорошо и ярко описанной в кратком выражении, она сама нередко нуждается в метафорическом отождествлении с чем-то более «весомым», «грубым», «зримым».

Немногочисленны все группы созерцательно-феноменальных метафор. Это, возможно, связано с тем, что метафоры, образованные на основе внешнего сходства предметов, явлений, не задерживаются в языке, так как не опираются на основное правило образования метафор: отождествлять всякое новое явление с тем, что уже входит в сферу практической деятельности человека.

Почти не удалось найти метафор группы 5b. В эту группу должны войти метафоры, образованные в результате отождествления с социальной практикой по эмпирически-феноменальному принципу. То же произошло и с группой 6b — отождествлением с духовной практикой человека по тому же принципу. Вообще подобные метафоры могут быть. Отрицать их существование во французском языке нельзя. В русском языке они тоже нечасты (таким отождествлением является, например, шолоховская метафора «обнищал здоровьишком»). По-видимому, дело в том, что если отождествление происходит с такими сложными формами практики, как социальная и духовная, то либо сходство схватывается очень быстро, с первого взгляда (что бывает редко) и метафора оказывается созерцательно-феноменальной (группы 5a и 6a), либо (если отождествление происходит на основе большого опыта) явление рассматривается уже не как целое, а выделяется его структура, функция или субстанция. Эмпирически-феноменальные метафоры, которые довольно часто встречаются как отождествление с материальной практикой, почти не появляются как отождествление с практикой социальной и духовной. Поток метафор как бы раздваивается здесь, обходя группы 5b и 6b.

Метафоры, которые образованы по созерцательно-феноменальному принципу, выражены чаще всего прилагательным или существительным в роли прилагательного. Реже — глаголом. Причина этого явления состоит, по-видимому, в том, что непосредственное созерцание даёт нам, в первую очередь, качество предмета как целого, а качество выражается прежде всего прилагательным. Характерно, что в одной из групп созерцательно-феноменальных метафор, а именно в группе 2a, где значительная часть метафор всё же выражена глаголами, эти глаголы обозначают, как правило, не активное действие субъекта, а состояние предмета (т. е. опять-таки качество); все эти глаголы — нетранзитивные:

Si la vérité éclate plus encore sur la réalité...¹
Le grand-père t e m p ê t a i t contre les «faux-frères»...²

На первый взгляд, кажется парадоксальным, что при крайней малочисленности большинства групп созерцательно-феноменальных метафор свыше 30 процентов их сосредоточено в группе 9а (объектно-объектных переносов). Ведь, согласно принятой нами точке зрения, объектно-объектные, или неантропоцентрические, переносы появляются в результате того, что какие-то предметы, явления, процессы уходят из сферы человеческой практики и настолько теряют с ней связь, что начинают казаться нам совершенно чуждыми нашей практике, не имеющими к ней никакого отношения. Именно поэтому все отождествления с данными предметами, явлениями, процессами становятся для нас неантропоцентрическими, объектно-объектными. Но если это так, то количество объектно-объектных метафор определенного типа должно быть приблизительно пропорционально количеству метафор этого же типа, образованных отождествлением с разными сторонами и формами практики. И это, действительно, оказывается так: число объектно-объектных переносов по функции, например, составляет примерно шесть процентов общего числа функциональных метафор; по структуре, соответственно, — около 4,5 процентов всех структурных метафор. И так во всех группах. Исключение представляют только созерцательно-феноменальные метафоры. Однако парадокс этот скорее кажущийся, чем действительный. Если отождествление с каким-то явлением произведено только на основании созерцания его внешнего вида, эффекта, результата и не приобрело более прочной опоры, то, по-видимому, явление это не играло существенной роли в человеческой практике, являлось одним из внешних, природных (причём, второстепенных) условий жизни и деятельности людей или с о п у т с т в о в а л о этой деятельности в те или иные эпохи человеческой истории. К таким явлениям относится множество различных природных процессов, растений, животных, каким-то образом вторгающихся в человеческую деятельность, но не связанных с ней прочно на протяжении длительного времени. Подобные явления могут быстро уходить из сферы общественной практики. О том, что они когда-то входили в эту сферу, мы давно забыли. Вот поэтому метафорическое отождествление чего-то с этими явлениями кажется нам теперь не антропоцентрическим, а внешним, объектно-объектным отождествлением двух предметов, не имеющих отношения к человеку и его деятельности.

Естественно, что самыми старыми оказались метафоры, принадлежащие к группам 1с, 1d, 2а, 2b, 2с, 4d. Метафоры эти представляют собой отождествления со структурой и функциями человеческого организма, целостным процессом труда и наиболее важными

¹ Huma, 25—1 — 1966.

² M. Thorez. *Fils du peuple*. Paris, Editions Sociales, 1947, p. 12.

его сторонами. Большинство из данных метафор произошло от слов, родившихся в XII веке, менее — от слов X—XI веков. Среди наиболее старых можно назвать существительные *nuit, feu* (2b), *corps, démarche, mort* (1d); *or, argent, arbre* (4d); *ombre, foudre* (9a); глаголы *parler, pleurer* (1c); *nourrir* (2c), восходящие к X—XI векам. Наконец, в группе 5с можно выделить самые старые метафоры *roi, service, emprunter*.

К XII веку относятся следующие слова (позднее метафоризованные): *semer, brûler, briser, baigner, s'éteindre, allumer, dévorer, déchirement* (2b); *sauter, plonger, franchir, lancer* (2c); *éclater, tempêter, ailé, brèche, fardeau, tas, filasse, entrailles, glu, poulain, grappe, colonne, aiguille* (4d), и др.

Так как процесс метафоризации неизбежно порождается практической природой человеческого познания, то метафоры постоянно и в огромном количестве появляются в языке народа. Анализ собранного нами материала показывает, что в большинстве групп метафоры разговорного языка составляют более 75 процентов. Особенно много таких метафор в группах 1с и 1d.

Значительно меньше метафор разговорного происхождения возникло путём отождествления с духовной практикой. Большая часть слов, выражающих духовные процессы и их характерные черты, или возникла сравнительно недавно за счёт ресурсов данного языка или заимствована в течение последних двух-трёх столетий из других языков. Поэтому эти слова и метафоризовались в литературном языке, а не в разговорном. Часть возникших здесь метафор перешла позднее из литературы в разговорный язык народа.

Метафоры следующих примеров иллюстрируют это предположение:

... le général De Gaulle est dès à présent nanti du pouvoir m é p h i s t o p h é l i q u e «d'appuyer sur le bouton».¹

De «La Leçon de français» au «Premier Choc», on dirait que ce grand champ a levé de toutes sortes de semences, et ce qui était encore f u g u e, o u s o l o, o u s o n a t e, est devenu s y m p h o n i e.²

La perspective d'une a p o c a l y p s e atomique, voilà uonc l'argument suprême du pouvoir autocratique.³

... Sylvie se souvint qu'elle était venue pour fair la leçon, et non pour chanter un d u o (с-à-d bavarder.— Т. К.)⁴

Метафоры приведённых примеров зафиксированы в этимологическом словаре А. Доза⁵ как заимствования, в основном, XVIII и XIX вв. из итальянского и греческого языков.

¹ Libération. 9—10 novembre 1963.

² L. Aragon. Les Egmont d'aujourd'hui s'appellent André Stil. Paris, 1953, p. 4.

³ Huma, 14—10 — 1963.

⁴ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 133.

⁵ A. Dauzat. Dictionnaire Etymologique de la langue française. Larousse, Paris, 1954.

Метафоры поэтические и риторические распределяются по группам неравномерно. Но некоторую закономерность здесь удаётся уловить. Поэтические метафоры преобладают в большинстве групп структурных метафор (2d, 3d, 4d, 6d, 9d). Из всех остальных групп по обилию поэтических метафор можно выделить только группу 3с (отождествление со средством труда по функции). Почему же образной метафоризации чаще всего подвергаются структурные признаки? Всякий образ означает конкретное чувственное представление. И, конечно, представить себе всегда легче структуру вещи, чем её функцию или субстанцию.

Louis-Napoléon devint empereur et la presse fut à nouveau m u - s e l é e.¹

Ses histoires traient dans tous les t o r c h o n s antisoviétiques depuis 1917...²

Et le grondement qui monte de la grande f o u r m i l i è r e : Paris en 1900...³

Но ведь ещё легче представить себе внешний вид предмета или явления. Почему же поэтические метафоры не преобладают заметно в группах а и б? Как мы уже говорили выше, обе эти группы, особенно группа а, немногочисленны; входящие в них метафоры отличаются недолговечностью, а поэтому всегда происходят колебания удельного веса поэтических и риторических метафор в данных группах. Многочисленность же образных метафор в группе 3с не только не является парадоксом, но, напротив, ещё раз подтверждает выше приведённое рассуждение: у орудия труда легче всего образно представить его основную характерную черту — функцию.

Le Bras a été une é p o n g e toute sa vie. Une éponge gonflée des larmes de la sensibilité⁴.

Une p o u d r i è r e , bourrée d'explosifs atomiques, s'organise ainsi au coeur de l'Europe⁵.

Риторические метафоры явно преобладают в группах 2с, 5с, 5d, 5f. Большое количество риторических метафор в группах 5с, 5d и 5f не требует особого объяснения, так как в социальной практике слишком много явлений, которые трудно представить в виде чувственно-конкретного образа. Объяснения требует только перевес риторических метафор в группе 2с.

Нам кажется, это происходит потому, что любой процесс очень трудно представить образно. «Мы не можем, — писал В. И. Ленин, представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив

¹ Huma, 10—9 — 1963.

² P. Courtade. Place..., p. 63.

³ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 131.

⁴ P. Courtade. Place..., p. 286.

⁵ Huma, 17—12 — 1964.

живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением...»¹. В группе же 2с речь идёт не просто о процессе, а о ф у н к ц и и процесса, т. е. о том, что особенно трудно поддается ощущению и неизбежно требует огрубления, схематизации.

...les combats de Romain Rolland ont naguère galvanisé des enthousiasmes juvéniles...²

Le D. D. T. ne suffit pas, il faut empoisonner la terre dans son coeur.³

Если сопоставить, как распределяются по группам метафоры, взятые из художественных произведений и публицистических, то получится следующая картина: в большинстве групп почти одинаково часто встречаются те и другие. Наряду с этим, есть группы (5с, 2с), в которых метафор, взятых из публицистических произведений, в два-три раза больше, чем из художественных. Содержанием публицистики, в первую очередь, являются различные быстро текущие общественные процессы, события, действия. Поэтому при переносе значения они отождествляются тоже с процессами и действиями (функциями). Например:

...les critiques défavorables me marquent toujours alors que les autres ne me gonflent pas d'orgueil.⁴

...son vieux coeur de servante sur-le-champs contracta un nouveau louange de la maison.⁵

В группах 1с, 2d, 4а и 9а преобладают метафоры, взятые из художественных произведений. В художественной литературе значительно больше, чем в публицистике, уделяется внимания раскрытию внутреннего мира человека, движению его души. Метафоры, которые при этом используются, само собою разумеется, не могут представлять собой отождествление с чем-то далёким от человека или даже с близким, но частным и временным. Мало вероятно, чтобы для выражения какого-нибудь душевного переживания человека художник слова выбрал, например, отождествление его с конкретным материальным процессом труда. Скорее всего, психическая деятельность человека будет отождествляться с его же физиологической деятельностью или один психический процесс будет отождествлён с другим. Этим объясняется большое количество метафор из художественных произведений в группе 1с. Что же касается преобладания таких метафор в остальных трёх группах (2d, 4а и 9а), то это нам кажется следствием того, что в художественной литературе значительно большую роль, чем в публицистике, играют описание и детализация.

¹ В. И. Ленин. Соч. т. 29, стр. 233. 5-е издание.

² Huma, 28—1 — 1966.

³ L. Aragon. Les Egmont..., p. 5.

⁴ Nous les garçons et les filles, № 6, 1963, p. 52.

⁵ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 143.

Метафоры могут быть результатом отождествления очень близких друг к другу явлений и очень далёких. Интересно распределились они по группам нашей классификации. Так называемые близкие метафоры составили 57 процентов от общего числа всех метафор, а далёкие — 43 процента. Особенно много близких переносов в тех группах, где отождествление происходит по функции (1с, 2с, 5с).

Le feu lui m a n g e le visage...¹ (1с)

...ses joues la b r û l a i e n t .² (2с)

...le Prix Nobel, enfin, e n t è r i n e notre espoir.³ (5с)

Хотя далёких переносов вообще значительно меньше, чем близких, но в некоторых группах (4b, 4с, 4d) они составляют до 67 процентов.

...il n'est pas si facile de protéger l'unité retrouvée, cette f l e u r à peine éclore...⁴

Dans la cuve du Champ de Mars, f e r m e n t a i e n t au soleil des milliers de grappes humaines...⁵ (4с)

...elles sont là vingt femmes enceintes réunies, une vraie g r a p p e de raisin.⁶ (4d)

Известно много различных способов грамматического выражения метафор. Общепризнано и то, что появление переносных значений у разных частей речи и их видов обнаруживаются по-разному. В данной статье нас интересует не доказательство этого положения в общем виде и не детальное изучение приёмов выражения того или иного вида метафоры различными частями речи. Нам интересно пока выяснить лишь то, как собранные нами метафоры-глаголы, метафоры-существительные, метафоры-прилагательные распределяются по группам нашей классификации. Вот каким оказалось это распределение.

Глагол составляет большинство во всех группах функциональных метафор (кроме 3с), доходя в этих группах до 90 и более процентов. Это понятно: функция чаще всего выражается глаголом. Легко объяснимо и почти полное отсутствие глаголов в группе 3с: функция орудия труда обычно настолько ясна, открыта, что для указания на эту функцию нет необходимости говорить специально о ней. Достаточно назвать орудие (т. е. употребить не глагол, а существительное).

Nul n'est citoyen d'une part et critique de l'autre. Il n'y a pas en nous de c l o i s o n étanche⁷. (3с)

¹ A. Stil. Nous nous..., p. 73.

² R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 23.

³ Huma, 16—10 — 1965.

⁴ Huma, 28—4 — 1966.

⁵ R. Rolland. L'Ame..., v. I, p. 131.

⁶ A. Stil. La douleur..., Les Editeurs Français Réunis. Paris, 1961, p. 9.

⁷ Huma, 16—10 — 1965.

Указание на функцию с помощью имени орудия облегчается ещё и тем, что, как пишет В. Г. Гак, сами названия, имена орудий чаще всего производились от названий процессов, в которых они участвуют.¹ Всё это и приводит к тому, что свыше 76 процентов метафор в группе 3с оказываются образованными именами существительными.

Существительные распределяются по группам более равномерно. Редко встречаются существительные только в группах функциональных метафор, где господствует глагол. Относительно равномерное распределение существительных по группам метафор связано, по-видимому, с грамматическими, лексикологическими и стилистическими особенностями этой части речи, дающими ей возможность выражать различные категориальные отношения действительности: и качество, и функцию, и структуру, и субстанцию. Например:

...l'oeil malin sous une broussaille de sourcils...²
...que le chemin difficile que nous avons à parcourir soit débarrassé de toutes les embêches...³

Souvent perchés dans leurs cabines,... les ouvriers se sentent classés en petits paquets, bien écartés l'un de l'autre.⁴

Cazaux, pion, s'était donné à l'action syndicale.⁵

Прилагательные почти полностью отсутствуют во всех группах функциональных метафор и составляют значительный процент в группах феноменальных метафор, что, безусловно, определяется основной функцией прилагательного — выражать качество предмета. А так как качество тесно связано со структурой, формой предмета, то вполне закономерно и сравнительно большое количество прилагательных в группах структурных метафор 1d и 2d. К тем же группам, что и прилагательные, принадлежит большинство метафор-наречий, причастий и деепричастий, которые вообще встречаются редко.

Применение нашей классификации к восьми тысячам метафор французского языка позволило проверить её основы, выяснить возможности и сделать, по крайней мере, следующие выводы:

1. Предложенная нами классификация метафор, исходящая из признания практической природы человеческого познания и опирающаяся на структуру общественной практики и познавательного процесса, соответствует основным требованиям, предъявляемым к любой естественной классификации. Она охватывает все метафоры

¹ В. Г. Гак. Беседы о французском слове. ИМО, М., 1966, стр. 93.

² R. Rolland. L'Amé..., v. I, p. 94.

³ Huma, 21—9 — 1964.

⁴ A. Stil. La douleur, p. 149.

⁵ P. Courtade. Place..., p. 190.

без исключения. Она применяет ко всем метафорам один общий принцип и кладёт в основу распределения их по группам существенные признаки. Она рассматривает метафору не только как готовый результат, но и как закономерный языковой процесс, т.е. учитывает не только структурные и функциональные, но и генетические отношения. Наконец, она связывает метафору с внеязыковыми явлениями и тем обосновывает её закономерность. Численность различных классификационных групп, распределение по этим группам наиболее старых метафор, метафор разговорного языка, поэтических и риторических, метафор, взятых из публицистических и художественных произведений, близких и далёких переносов и, наконец, метафор, выраженных разными частями речи, получают простое и естественное объяснение.

2. Классификация подтверждает предположение о том, что метафоризация является глубоким и закономерным процессом развития языка, неразрывно связанным с логическими операциями отождествления и аналогии. Поэтому при исследовании метафоры отвлечение от этимологии (на котором настаивает Ш. Балли¹) допустимо лишь в качестве частного приёма на одном из этапов работы. В принципе же «изучение процесса метафоризации должно быть поставлено на строгую историческую основу, ибо только прослеживая историческое развитие слова, можно раскрыть закономерности образного его употребления, равно как и самые причины, объединяющие проследившие изменения в его смысловой структуре»².

3. Вводя объективный критерий отнесения метафоры к той или иной группе, предлагаемая нами классификация открывает возможности для более широкого применения в лексикологии и стилистике количественных методов, особенно статистических.

4. Конкретная форма нашей классификации является лишь первым наброском и нуждается в дальнейшей разработке и усовершенствовании. Требуют уточнения и горизонтальная и вертикальная шкалы таблицы. Это уточнение может быть сделано, с одной стороны, на основе теоретических исследований на стыке языкознания, философии и логики, а с другой, — на базе новых практических испытаний предложенной таблицы на обширном материале разных языков.

¹ Ш. Балли. Французская стилистика. Изд-во иностранной литературы, М., 1961.

² А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Изд-во Московского университета. М., 1961. Стр. 122.